ПАНАС ПШУТЬ

16+

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ МЕГАТОНН

Фантастическая повесть

Панас Пшуть

Тридцать семь мегатонн

«Автор»
2026

Пшуть П.

Тридцать семь мегатонн / П. Пшуть — «Автор», 2026

Будущее, 25 век. Капитан-лейтенант Ерёменко командует эсминцем «Кипучий», который воюет тридцать лет. «Крайний» рейд, новый корабль, повышение. Но «крайний» становится последним – эсминец гибнет в бою, капитан получает раны, несовместимые со службой. Ерёменко хочет летать. Он нанимается в Пояс астероидов, ему достается новый прототип, не принятый военными. Но «Пионер-21» попадает в аномалию и выныривает над СССР в июне 1941 года. Немецкие колонны идут на восток. У капитана нет армии, но есть двенадцать противометеоритных турелей и ИИ Штурман, который не сомневается. Капитан начинает войну. Горит вражеская техника, рушатся заводы, в Берлине паника, в Кремле не верят разведке. Ерёменко спешит – ранения развиваются в патологию мозга. Приступы всё чаще. Капитан спешит нанести врагу максимальный урон, но умирает в очередном бою. ИИ корабля, верный директивам, взрывает реактор над Лондоном. Взрыва в 37 мегатонн достаточно, чтобы закончить войну, которую вел Ерёменко в будущем и прошлом.

© Пшуть П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава вторая 10
Глава третья 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Панас Пшуть
Тридцать семь мегатонн

Панас Пшуть

Тридцать семь мегатонн
Фантастическая повесть

Будущее, 25 век. Капитан-лейтенант Ерёменко командует эсминцем «Кипучий», который воюет тридцать лет. «Крайний» рейд, новый корабль, повышение. Но «крайний» становится последним – эсминец гибнет в бою, капитан получает раны, несовместимые со службой. Ерёменко хочет летать. Он нанимается в Пояс астероидов, ему достается новый прототип, не принятый военными. Но «Пионер-21» попадает в аномалию и выныривает над СССР в июне 1941 года. Немецкие колонны идут на восток. У капитана нет армии, но есть двенадцать противометеоритных турелей и ИИ Штурман, который не сомневается. Капитан начинает войну. Горит вражеская техника, рушатся заводы, в Берлине паника, в Кремле не верят разведке. Ерёменко спешит – ранения развиваются в патологию мозга. Приступы всё чаще. Капитан спешит нанести врагу максимальный урон, но умирает в очередном бою. ИИ корабля, верный директивам, взрывает реактор над Лондоном. Взрыва в 37 мегатонн достаточно, чтобы закончить войну, которую вел Ерёменко в будущем и прошлом.

Глава первая

Свет в спальне включился мягко, постепенно – имитация рассвета, хотя за бронированным стеклом, в чёрной пустоте кратера Менделеева, царила вечная ночь. Ерёменко проснулся от того, что кто-то тёплый и нетерпеливый тыкался носом ему в шею.

– Серёж, вставай, – Надежда перекатилась на его половину кровати и теперь лежала, подперев голову рукой. – У тебя в девять построение, а ты ещё даже не завтракал.

– Который час? – Ерёменко попытался натянуть одеяло на голову, но Надежда была быстрее.

– Семь двадцать. Вставай, кому говорю. У меня для тебя новости.

Он открыл один глаз. Надежда смотрела на него с той особой улыбкой, которая означала, что она знает что-то важное и умирает от желания поделиться. Работая секретарём в штабе флота, она всегда оказывалась в курсе событий раньше всех – и иногда делилась с ним тем, что делиться было категорически нельзя.

– Плохие или хорошие?

– Смотря с какой стороны посмотреть. – Она спрыгнула с кровати и направилась к кухонному блоку. – Кофе будешь?

– Буду. И рассказывай уже.

Надежда включила кофемашину – старую, настоящую, не синтезатор. Ерёменко не признавал синтезированный кофе, говорил, что это «горячая коричневая вода с запахом разочарования». Надежда считала это милой причудой, хотя сама пила исключительно синтетический капучино.

– Значит, так, – она обернулась, скрестив руки. – Твой «Кипучий» идёт в последний рейд. Потом его списывают.

Ерёменко сел на кровати и машинально поправил:

– Не последний, а крайний!

– В этот раз – в последний. На переплавку, – уточнила Надежда. – Но! Тебе дают новый эсминец. Того же класса, только из новой серии. И название сохранят – «Кипучий». Традиция, всё такое.

– Новый корабль, – медленно повторил Ерёменко. – Мне?

– Тебе. И это ещё не всё. – Она подошла и села на край кровати, заглядывая ему в глаза. – Ты получаешь «кап-три». Капитана третьего ранга. Приказ подписан, объявят после рейда.

Он молчал. Надежда нахмурилась:

– Серёж, это же повышение. Это новый корабль. Это...

– Это значит, что старый списывают, – закончил он. – Тридцать лет, Надя. Я на нём восемь из них.

– И что? – Она пожала плечами. – Он устарел, Серёж. Ты сам это знаешь. Морально, технически, да вообще всем. Его ремонтировать дороже, чем построить новый. Штаб давно хотел его списать, но ждали, пока ты... ну, пока ты сам не поймёшь.

– Я понимаю, – сказал он. – Просто...

– Просто ничего. – Надежда встала и пошла за кофе. – Ты получишь новый корабль, звание, и у меня на тебя большие планы. Знаешь, сколько сейчас кап-три получают? А через пару лет, если всё сложится, можно и «кап-два»...

– Ты уже всё распланировала?

– Конечно. – Она поставила перед ним чашку. – Кто-то же должен думать о твоей карьере, пока ты думаешь о своём корабле.

Ерёменко взял чашку. Кофе был горячим, крепким, и пах именно так, как надо.

– А если я не хочу новый корабль?

Надежда замерла.

– Что значит «не хочу»?

– Ничего. – Он сделал глоток. – Просто... «Кипучий» – это не просто железо. Это экипаж. Это люди, с которыми я восемь лет...

– Экипаж переведут, – перебила Надежда. – Или ты думаешь, что тебе дадут новый корабль с чужими людьми? Нет, Серёж. Костяк останется. Карпович, Ветров, Соколова – все пойдут с тобой. Ну, кроме тех, кто сам захочет уйти.

Ерёменко посмотрел на неё. Она была права. Она всегда была права – это иногда раздражало, но чаще спасало.

– Ладно, – сказал он. – Убедила.

– Вот и умница. – Надежда чмокнула его в щёку. – А теперь одевайся. Тебе ещё нагоняй Карповичу устраивать.

– С чего ты взяла?

– Потому что ты каждый раз перед рейдом устраиваешь ему нагоняй. – Она улыбнулась. – И каждый раз он ворчит, что всё давно пора на свалку. Это у вас ритуал такой.

Ерёменко хмыкнул. Ритуал. Пожалуй, она была права и в этом.

Луна. База «Северный», кратер Менделеева. Отсюда, с высоты трёхсот километров над поверхностью, Земля выглядела как огромный голубой шар – прекрасный и недосягаемый. Триста лет войны, и всё это время Земля оставалась символом. Тем, что они защищали. Тем, ради чего стоило воевать.

Война с наглосаксами началась триста лет назад. Тогда, в конце двадцать второго века, их дальние разведчики впервые появились в Солнечной системе – чужие, непонятные, с технологиями, которые враги создавали где-то в своей системе. После применения биологического оружия они покинули Землю и устремились куда-то в дальний космос. Создали там новый оплот и решили завершить то, что не получилось в прошлый раз. А на Земле еще долго исправляли то, что они тогда натворили.

Сначала это были пиратские рейдеры – быстрые, дерзкие, нападавшие на торговые караваны и окраинные колонии. Потом – диверсии на орбитальных станциях, на Марсе, на Луне. Потом – полномасштабные боевые действия. Триста лет. Целые поколения выросли, жили и умирали, так и не увидев мира. Война стала фоном, нормой, чем-то само собой разумеющимся – как гравитация или солнечный ветер.

Флот сдерживал, защищал, умирал, но не сдавался. И «Кипучий» много лет был частью этого флота.

Космодром «Северный» располагался в кратере Менделеева, и утренний свет – искусственный, разумеется – заливал бетонные плиты ровным белым сиянием. Эсминец «Кипучий» стоял на дальнем конце поля, и Ерёменко, шагая к нему от терминала, невольно отметил, как он выглядит со стороны.

Старый и потрёпанный в боях. Обшивка в нескольких местах латана – следы давнего боя с рейдерами у Пояса. Антенны дальней связи – архаичные, требуют замены и давно сняты с производства. Даже цвет – стандартный серый флотский – выгорел до какой-то неопределённой грязно-белёсой дымки.

А ведь когда-то он был красавцем. Ерёменко помнил, как впервые поднялся на его борт – тогда ещё лейтенантом, зелёным юнцом, только что из училища. «Кипучий» тогда был не новым, но ещё крепким, ладным, грозным. А теперь...

– Товарищ капитан-лейтенант!

Ерёменко обернулся. У трапа стоял старший механик Карпович – грузный, немолодой, с вечно недовольным лицом человека, который слишком долго живёт среди машин и слишком хорошо знает, что всё в этом мире ломается.

– Здравия желаю, – сказал Ерёменко, подходя.

– И вам не хворать. – Карпович покосился на корабль. – Опять на нём летим?

– Опять.

– А я думал, может, на этот раз что-нибудь приличное дадут.

– Думать вредно, Леонид Ефимович. Вы знаете.

– Знаю, – вздохнул Карпович. – Ладно, пойдёмте. Всё равно кроме нас с вами его никто не любит.

Они поднялись по трапу. Внутри «Кипучий» встретил их привычным запахом – смесью кондиционированного воздуха и озона от старой электроники. Ерёменко шёл по коридорам, отмечая привычные детали: потёртый пластик переборок, мигающие лампы в одном и том же месте, скрип палубы в третьем отсеке. Всё знакомое до боли.

– Доклад, – коротко сказал он, когда они вошли в центральный пост.

Карпович развернул планшет:

– Реактор в норме, но фокусирующие катушки на пределе. Маршевые – работают, но левый немного вибрирует. Щиты – восемьдесят процентов. Орудия главного калибра – в порядке, торпедные аппараты – в порядке. Спасательные капсулы...

Он замолчал.

– Что «спасательные капсулы»? – переспросил Ерёменко.

– Ну... – Карпович почесал затылок. – Они того. Не в лучшем виде.

– Конкретнее.

– Конкретнее – две из шести не герметичны. Ещё две – система жизнеобеспечения барахлит. Остальные вроде ничего, но я бы не поручился.

Ерёменко медленно повернулся к нему.

– Леонид Ефимович.

– Я знаю, что вы скажете, – вздохнул Карпович.

– Две из шести не герметичны?

– А вы хотите, чтобы я что сделал? – Карпович вдруг вспыхнул. – Товарищ капитан-лейтенант, я вам который месяц докладываю: кораблю тридцать лет! Тридцать! Тут всё пора на свалку – не только капсулы. Корпус – считай, решето. Проводка – я её каждый рейд перебираю. Реактор – я молюсь на него перед каждым запуском, потому что не знаю, когда он рванёт. А вы мне – «капсулы»!

– Капсулы, – ровно повторил Ерёменко. – Две негерметичны. Это значит, что если что-то случится, люди погибнут. Вы это понимаете?

Карпович отвёл взгляд.

– Понимаю, – буркнул он.

– Сутки. – Ерёменко смотрел ему прямо в глаза. – У вас сутки, чтобы привести их в порядок. Все шесть. Ясно?

– Ясно, – проворчал Карпович. – Только это ничего не изменит. Корабль всё равно...

– Это. Ничего. Не изменит, – отчеканил Ерёменко. – Но пока я командую этим кораблём, на нём всё должно работать. Даже то, что «пора на свалку». Особенно то, что пора на свалку. Потому что люди, которые на нём летят, не виноваты, что штаб тридцать лет не мог раскошелиться на новый корабль.

Карпович молчал. Потом кивнул:

– Сделаю.

– Не сомневаюсь. – Ерёменко отвернулся к пульту. – Свободны.

Карпович пошёл к выходу, но у двери остановился:

– Товарищ капитан-лейтенант.

– Что?

– А правда, что нам новый корабль дают?

Ерёменко помолчал.

– Правда.

– И вы нас всех заберёте?

– Заберу.

Карпович хмыкнул – впервые за всё утро что-то похожее на улыбку.

– Ну, тогда ладно, – сказал он. – Тогда сделаю не за сутки, а за двенадцать часов. Но ворчать буду.

– Это обязательно, – согласился Ерёменко.

Карпович ушёл. Ерёменко остался один в центральном посту, среди мигающих лампочек и тихого гула старых систем. Он положил руку на пульт – просто так, привычно.

– Последний рейд, – сказал он тихо. – Слышишь? Последний.

Корабль не ответил. Но Ерёменко показалось, что гул систем на секунду стал тише – будто «Кипучий» услышал и понял.

Он вздохнул и включил связь с экипажем:

– Всем постам. Готовность к предстартовой проверке. Через два часа – построение. Работаем, товарищи, работаем.

Карпович вернулся в машинное отделение и первым делом пнул многострадальный компрессор – просто для порядка, чтобы знал своё место. Компрессор ответил привычным скрежетом, но не сломался. Уже хорошо.

– Салагой он был, – пробормотал Карпович себе под нос, откручивая панель доступа к капсулам. – Вот таким же зелёным, как этот компрессор. Пришёл на корабль – ни усов, ни опыта, ни понятия. А теперь вон – кап-три дают. И корабль новый. А я всё здесь, с этим хламом...

Он заглянул в первую капсулу и поморщился. Уплотнители действительно никуда не годились. Но у него было двенадцать часов. И, чёрт возьми, он их потратит с пользой. Потому

что Ерёменко – хоть и салага был когда-то, а всё-таки свой. И корабль – хоть и старый, а всё-таки родной. И если уж последний рейд, то пусть он будет таким, чтобы потом не стыдно было вспомнить.

– Ладно, – сказал Карпович капсуле. – Ты у меня ещё поработаешь. Последний раз. Крайний.

Он подмигнул сам себе и взялся за инструмент.

Глава вторая

Старт прошёл штатно. «Кипучий» оторвался от лунного бетона в 09:47 по бортовому времени, и Ерёменко, сидя в командирском кресле, проводил взглядом уходящую вниз серую поверхность кратера Менделеева. В иллюминаторе проплыла станция слежения, потом – длинная тень лунного терминала, потом – только мерцали звёзды.

– Курс на точку рандеву, – сказал он. – Маршевый, экономичный.

– Есть, – отозвался Ветров, старший штурман. Молодой, подтянутый, с вечной папкой в руках – он всегда что-то считал, даже когда считать было нечего.

– Товарищ капитан-лейтенант, – по внутренней связи прозвучал голос Карповича. – Капсулы в порядке. Все шесть. Докладываю официально.

– Принято, Леонид Ефимович. Спасибо.

– Не за что. – Пауза. – Только я всё равно считаю, что вы зря это затеяли. Мы всё равно...

– Карпович.

– Молчу.

Ерёменко усмехнулся и отключил связь.

Три дня «Кипучий» шёл по маршруту пассажирской линии «Луна – Марс». Задача была простая: прикрывать гражданские рейсы от пиратских нападений. Наглосаксы рейдеры присылали регулярно. Небольшие, быстрые и наглые. Они не вступали в бой с военными кораблями, если можно было этого избежать. Они охотились на торговцев, на колонистов, на пассажиров. На тех, кто не мог дать сдачи.

Триста лет шла эта необъявленная война. За триста лет это стало рутиной. Флот патрулировал, конвоировал, отгонял. Иногда – уничтожал. Иногда – терял своих. Просто была война. Просто были они – и были наглосаксы. И между ними лежала пустота, в которой горели корабли.

Первые двое суток прошли спокойно. Пассажирские лайнеры – два больших, один малый – шли по своим маршрутам, «Кипучий» держался в охранении, экипаж нёс вахты по графику. Ерёменко дважды выходил на связь с капитанами гражданских, уточнял расписание, проверял курс. Обычная работа.

На третьи сутки, в 04:12 по бортовому, всё изменилось.

– Командир, – голос Соколовой, оператора сенсоров, был напряжённым. – Два контакта. Курс на перехват. Скорость боевая.

Ерёменко мгновенно оказался у тактического пульта.

– Дистанция?

– Двенадцать тысяч. Идут на «Аврору-семь». – «Аврора-семь» был большим пассажирским лайнером, на борту – четыреста двадцать человек. – Время до контакта – восемь минут.

– Боевая тревога. – Ерёменко нажал кнопку на пульте, и по всему кораблю пронёсся сигнал. – Всем постам, готовность к бою. Орудия – к бою. Торпедные аппараты – к бою. Щиты – на максимум.

– Щиты – только на восемьдесят процентов, – доложил Ветров. – Больше не дадут, командир.

– Восемьдесят так восемьдесят. – Ерёменко смотрел на тактический экран. Два рейдера – небольшие, быстрые, с характерными угловатыми силуэтами. Наглосаксы. – Курс на перехват. Полный ход.

«Кипучий» рванулся вперёд. Старые двигатели взвыли, но выдержали. Ерёменко чувствовал, как вибрирует палуба под ногами – привычная, знакомая вибрация. Корабль шёл в бой.

Первый рейдер они достали на подходе. Орудия главного калибра ударили залпом – и один из вражеских кораблей вспыхнул, разлетаясь на куски. Второй успел увернуться и, вместо того чтобы принять бой, рванулся в сторону – прямо к «Авроре-семь».

– Он идёт к лайнеру! – крикнула Соколова. – Не отвлекается на нас!

– Вижу, – Ерёменко стиснул подлокотники кресла. – Курс на перехват. Форсаж.

– Командир, – Ветров обернулся. – Если он доберётся до «Авроры», у них нет шансов. У них только гражданские щиты.

– Знаю. Полный ход.

«Кипучий» рванулся следом. Рейдер был быстрее – но у него был манёвр, а у Ерёменко – упорство. Он вёл корабль наперерез, отрезая врага от лайнера. Расчёт был прост: успеть, успеть, успеть.

И тут в центральном посту прозвучал голос Карповича.

– Командир! – Голос был хриплым, срывающимся. – Повреждена система охлаждения реактора! Температура растёт! Если не заглушить – пойдёт вразнос!

Ерёменко замер. Всё внутри оборвалось.

– Сколько времени?

Пауза. Потом – глухой ответ:

– Минут пять. Может, шесть. Реактор перегревается. Если заглушить – мы теряем ход. Если не заглушить – рванёт.

Пять минут. Пять минут до того, как «Кипучий» превратится в облако раскалённого газа. Или до того, как они потеряют ход и рейдер доберётся до «Авроры».

Ерёменко смотрел на тактический экран. Рейдер был уже в двух минутах от лайнера. «Кипучий» – в трёх минутах от рейдера. Пять минут – это слишком мало. Слишком мало, чтобы успеть. Он принял решение.

– Всем постам. – Голос был ровным. – Всем покинуть корабль. Повторяю: всем покинуть корабль. Капсулы – к отстрелу. Карпович – обеспечить.

– Командир! – Ветров вскочил. – Вы что...

– Выполнять. – Ерёменко не повысил голос. – Это приказ. Все – в капсулы. Я перевожу управление на себя.

– Но...

– Ветров. – Ерёменко посмотрел на него. – Ты знаешь, что я прав. Уходи.

Ветров смотрел на него секунду. Потом молча кивнул.

– Есть.

Они уходили. Капсулы отстреливались одна за другой – пять штук, а не шесть, маленьких искр, разлетающихся в стороны от умирающего корабля. Ерёменко видел их на тактическом экране. Видел, как они удаляются.

– Карпович, – сказал он по внутренней связи. – Ты почему ещё здесь?

– А вы? – Голос стармеха был хриплым. – Я без вас не уйду.

– Карпович, это приказ.

– А мне плевать. – В голосе Карповича была злость. – Вы салагой были, когда пришли. Я вас помню. Зелёный, как этот компрессор. Я вас учил, как реактор запускать. Я вас... – Он замолчал. Потом – тише: – Я вас не брошу, командир.

Ерёменко молчал. Потом сказал:

– Леонид Ефимович.

– Что?

– Спасибо за всё. А теперь – в капсулу. Это моя последняя просьба. Не приказ. Просьба.

Долгая пауза. Потом послышался глухой голос:

– Есть, командир.

Ещё одна капсула отстрелилась. Ерёменко остался один. Он вёл корабль вручную. Реактор выл, температура росла, панели мигали красным. Но «Кипучий» шёл. Шёл вперёд, на форсаже, на последнем издыхании. Рейдер был уже совсем близко – он тоже видел «Кипучий», но не успевал уйти. Слишком поздно он заметил, что старый эсминец идёт не на перехват, а на таран.

Ерёменко смотрел на экран. Дистанция – пятьсот метров. Триста. Двести. Сто.

– Последний рейд, – сказал он тихо. – Не крайний. Накаркала ты, Надюха!

Он рванул к командирской капсуле, которая стояла ближе всех к рубке. Успел. Запрыгнул, задраил люк, отстрелил. Капсулу рвануло в сторону – и в тот же миг «Кипучий» врезался в рейдер.

Взрыв был ослепительным. Капсулу швырнуло, как щепку. Ударная волна ударила в неё, системы закричали, стабилизаторы отчаянно пытались удержать курс. Ерёменко почувствовал, как что-то ударило его в бок, в голову, в грудь. А потом наступила темнота.

Он пришёл в себя через два месяца. Сначала слышал только звуки – писк аппаратуры, шорохи, чьи-то шаги. Потом увидел свет. Слишком яркий, режущий. Он зажмурился, потом снова открыл глаза и увидел белый больничный потолок.

– Сергей Никодимович? – Голос медсестры. – Вы меня слышите?

Он попытался ответить. Горло было сухим, как наждак.

– Слышу, – прошелестел он.

– Слава богу. – Медсестра выдохнула. – Вы два месяца в коме. Мы уже не думали...

Он закрыл глаза. Два месяца.

– Экипаж? – спросил он.

– Все живы. Всех подобрали. Вы... всех успели вытащить.

Хорошо. Хоть что-то я успел...

Правду он узнал постепенно. Сначала – от медсестры, которая проговорилась. Потом – от Ветрова, который пришёл навестить. Потом – от Соколовой. Потом – от Карповича, который стоял у его кровати с каменным лицом и не знал, куда деть руки.

Новый корабль – новый «Кипучий» – доверили не ему. Капитану третьего ранга Семёнову. Молодому, перспективному, из штабных. Тому самому, который...

Надежда вышла за него замуж. Три недели назад. Ерёменко выслушал это молча. Потом сказал:

– Понятно.

– Сергей Никодимович... – начал Ветров.

– Всё нормально. – Ерёменко смотрел в потолок. – Она правильно сделала. Два месяца комы – это долго. Никто не обязан ждать.

– Но...

– Ветров. – Ерёменко повернул голову. – Спасибо, что пришёл. Правда.

Ветров ушёл. Карпович остался. Стоял, сопел, смотрел в пол.

– Ты чего? – спросил Ерёменко.

– Ничего. – Карпович помолчал. – Просто... вы салагой были. Я вас помню. Зелёный совсем. А теперь вон... – Он махнул рукой. – А они...

– Леонид Ефимович.

– Что?

– Спасибо, что не бросил.

Карпович посмотрел на него. Потом отвернулся, крякнул и вытер лицо ладонью.

– Ладно, – сказал он. – Я пойду. Соколова придёт вечером. Ветров завтра. Мы все... мы все с вами, командир. Все, кто остался.

– Спасибо, – сказал Ерёменко.

Медкомиссия была короткой. Слишком короткой.

– Когнитивные способности снижены, – сказал врач, не глядя ему в глаза. – Последствия гипоксии и травмы. Реакция замедлена, память фрагментирована, способность к принятию решений в стрессовых ситуациях...

– Я могу командовать кораблём, – сказал Ерёменко.

– Вы можете командовать буксиром, – сказал врач. – Может быть. Но не боевым кораблём. Не с таким диагнозом.

– Я провёл бой. Я спас экипаж. Я...

– Вы – герой, – сказал врач. – Но герой – не значит командир. Извините.

Огласили заключение: от службы отстранить и комиссовать.

Ерёменко не сдался. Он потребовал принести ему парадную форму со всеми наградами и отправился на прием к командующему. Адмирал Шапошников был старым. Слишком старым для этой войны. Он смотрел на Ерёменко поверх стола, и в глазах у него было что-то похожее на жалость – и на бессилие.

– Сергей Никодимович, – сказал он. – Я всё понимаю. Правда. Но приказ есть приказ. Медкомиссия...

– Я могу служить, – сказал Ерёменко. – Не командиром. Кем угодно. Я знаю корабли. Я знаю...

– Сергей Никодимович. – Шапошников вздохнул. – Я не могу. Мне не разрешат. Вы – герой, но вы – списанный герой. Понимаете? Списанный. Это хуже, чем мёртвый. Мёртвых хоронят с почестями. А списанных... – Он махнул рукой. – Извините.

Ерёменко молчал. Потом сказал:

– Ясно.

– Вам дадут пенсию. Квартиру на Земле. Если хотите – работу в тылу. Но летать уже не дадут...

– Я понял, – сказал Ерёменко.

Он вышел из кабинета. Шёл по коридору штаба, мимо людей в форме, которые косились на него и отводили взгляды. Он был для них теперь гражданским. Хотя еще и в форме.

Ерёменко отправился на Землю ближайшим рейсом. Земля была красивой, очень красивой, особенно на фоне серых лунных коридоров. Он и забыл уже, насколько она красива. Голубая, огромная, живая. Он смотрел на неё из иллюминатора транспортника и думал, что не был здесь восемь лет. Восемь лет, проведенные на «Кипучем», на базе и среди звёзд. Теперь его дом – Земля.

Он пытался там прижиться. Правда пытался. Но не сумел. Хотел найти работу, связанную с полётами. Ходил по инстанциям, писал рапорты, доказывал, просил. Ему говорили «нет». Вежливо, с сочувствием, но – «нет».

Потом внезапно сделали исключение и разрешили. Не на боевой корабль, не на эсминец и не на даже патрульный катер. Ему предложили водить буксир. Малый буксир, класса «Титан», для работы в Поясе астероидов. Перевозка грузов, буксировка обломков, мелкий ремонт. Не война. Просто работа. Очевидно, людей там критически не хватало. Он согласился.

Первый день на буксире «Камчатка» был странным. Маленький корабль, старый, потрёпанный – но не такой старый, как «Кипучий». Экипаж – семь человек. Ни одного знакомого лица. Ни одного, кто знал бы его раньше.

Он сидел в командирском кресле – кресле капитана буксира, – и смотрел на звёзды в иллюминаторе. Пояс астероидов. Камни. Пустота.

– Капитан, – сказал молодой пилот. – Курс на точку «Дельта-семь». Прибытие через шесть часов.

– Принято, – сказал Ерёменко.

Он положил руку на пульт – просто так, привычно. Пульт был холодным. Не то что на «Кипучем».

– Ну что, – сказал он тихо. – Полетим.

Буксир медленно развернулся и пошёл вперёд, в темноту. Где-то далеко, за Поясом, шла война. Триста лет войны. И где-то там строился новый «Кипучий» – с другим командиром, с другим экипажем, но с тем же именем на борту. А он – Ерёменко Сергей Никодимович, капитан-лейтенант, списанный герой, – вёл буксир в Поясе астероидов. И это было всё, что у него осталось. Но он летел. И это было главное.

Глава третья

Пояс астероидов встретил его рутиной. Монотонной, серой, бесконечной. Дни сменялись днями, вахты – вахтами, буксировка – буксировкой. «Камчатка» таскала грузовые баржи от станции к станции, расчищала обломки, иногда – совсем редко – вытаскивала чей-то сломанный корабль из опасного сектора. Работа была нужная, но от неё сводило зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.